

УДК 17.177

РИСК ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЗАЩИТА ИДЕНТИЧНОСТИ В РИСКОГЕННЫХ ПРАКТИКАХ МОБИЛЬНОСТИ

А.Ю. Харченко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Показано, что в рискогенных социальных практиках мобильности множественные социальные идентификации истощают и подрывают базовые основы самоидентичности. Трансформация идентичности, инициируемая новой конфигурацией самоидентичности и социальных идентификаций в мобильных практиках порождает новые риски ответственности за возникающие формы аддитивности, за распад самоидентичности.

***Ключевые слова:** социальные практики мобильности, конфигурация идентичностей, утрата самоидентичности, риск ответственности.*

Наш современник живет в эпоху практик «мобильности». Мобильная ткань отношений, по выражению Ж.-Ф. Лиотара, стала строительным материалом социальной жизни. Мобильности проблематизируют возможности человека и общества, вовлекая в свой горизонт множество социальных практик. Практики мобильности порождают многочисленные социальные и личностные проблемы и умножают риски социального бытия. Среди них – философская рефлексия о смысле, ценности, потребности обретения самоидентичности в условиях множественных идентификаций, об эксплуатации и присвоении образов как инструментов самоидентификаций. Ж. Бодрийяр писал: «Разоблачать образы опасно, ведь они скрывают, что за ними ничего нет» [2, с. 4]. Утрата идентичности, поиски новой идентичности, ситуация лабиринта идентичностей, появление множества идентичностей – вторичные вопросы операционализации философской темы идентичности.

Идентичность является одной из актуальных проблем в философии и социально-гуманитарных науках, поскольку в ней преломляются существенные изменения человека, риски его существования в новой среде обитания с NBIC-технологиями, которые не только создаются социальным субъектом, но и обрабатывают его. В сознании и самосознании современного человека иерархия идентичностей подвижна и выстраивается в соответствии с разворачивающейся ситуацией, пространственно-временным континуумом, собственно конкретными повседневными проблемами. В эпоху кризиса и распада идентичностей, что переживается и дескриптируется как результат сложной адаптации к транзитивной, трансформирующейся социальной реальности, особую значимость приобретают проблемные вопросы конфигурации идентичности, адекватной динамике социальных практик. Под конфигурацией идентичностей понимается находящееся под воздействием наличных ценностей взаимное

соположение самоидентичности и социальных идентификаций. Конфигурация идентичностей задается новой точкой схождения «Я-идентичности» и социальных идентификаций в практиках мобильности. Сложность осмысления феномена идентичности, тем более вопроса конфликта и конфигурации идентичности в практиках мобильности связана с тем, что идентичность предстает сегодня как знание философского и междисциплинарного уровня анализа, что нередко влечет несогласованность в толковании понятий.

Из аналитического обзора исследований по дифференциации рисков современного общества можно сделать вывод, что риски, порожденные институтами рефлексивного модерна, заставляют каждого индивида делать выбор, принимать риск-ориентированные решения и нести за них ответственность. В настоящее время сформировался новый социальный тип Человека риска, который «страдает» рискофобией и рискофилией и помещает себя в практики мобильности как ситуации избегания риска и добровольного принятия риска [6]. Рискогенные мобильные практики влекут последствия, которые могут быть как конструктивными, так и деструктивными. Наряду с тем, что добровольное принятие рисков может стимулировать восходящую социальную мобильность, качественно изменяющиеся «мажорные» риски инициируют контркультуру и дисфункциональную социальную деятельность. В рискогенных практиках мобильности традиционно доминирующие идентификации трансформируются в иные, маргинальные, тем самым разрушая устойчивость и единство самоидентичности человека. Такие практики мобильности, как миграция, сетевые сообщества, биоэтические реалии изменяют традиционные «скрепы» самоидентичности и социальных идентификаций, порождают множественные идентификации, ускоряют распад самоидентичности. Будучи маркерами мобильности, эти практики ярко демонстрируют риски ответственности человека и общества за потерю естественной самоидентичности, наличие множественной идентификации, утрату стержневой индивидуальной идентичности, социальной и исторической памяти в формате исторической идентичности. Испытывая очевидную интервенцию социальных форм идентификации, самоидентичность подвергает себя коррозии, ближайшими и отдаленными последствиями которой становится утрата интереса к подтверждению или опровержению собственной идентичности, превращения себя в «объект» социального воздействия и манипуляции, «распылителя» исторической памяти и традиций. Без самоидентичности человек поработается и миграционными практиками, и виртуальной реальностью, и биоэтическими реалиями, он живет с «идентичностью без личности», с анонимной идентичностью. В практиках мобильности повышается ответственность за риски распада самоидентичности, за конгруэнтную социальным реалиям устойчивую конфигурацию «Я-идентичности» и множественной социальной идентификации. Важно понимать, что в эпоху «вовлеченности» принятие на себя

риска ответственности возможно лишь в условиях наличия достаточно централизованной личности. Однако современная социальная жизнь всё чаще демонстрирует ситуации, в которых антропологическая данность, биосоциальная целостность, конструктивная идентичность становятся периферийной ценностью и утрачиваются. Точкой «невозврата» оказывается распад самоидентичности и невозможность просчитать релевантные риски ответственности со стороны общества и человека.

Миграционная практика показательно демонстрирует идентификационную «мутацию»: в силу «прозрачности» границ самоидентификации «Я-идентичность» постоянно дрейфует и вызывает турбулентность социальных идентификаций (этнонациональной, религиозной, исторической и др.). Вывод о разрушении социокультурной памяти, исторического самосознания мигранта коренится также в «теории социальных эстафет» М.А. Розова, в которой личность и её социальная (историческая) память, будучи базовыми элементами культуры, рассматриваются как непрерывно возобновляющиеся процессы, передающие образцы поведения и деятельности, мышления, нравственных или эстетических оценок. «Я-идентичность» – самотождественность «Я» – также понимается как постоянно возобновляемый процесс, на поддержание которого работают совместно культура и личность (главная цель и средство реализации культурных потенциалов) [11]. В условиях новых социокультурных контекстов у «Я-идентичности» мигранта прошлое как социокультурный опыт, историческая идентичность, социальная память трансформируется, искажается. Невозможно сохранить устойчивость и целостность «Я-идентичности» в новом социокультурном контексте без опоры на историческую идентичность. Проблема совместимости (конфликт или баланс) социальных идентификаций «упирается» в формат личностной идентичности.

Мобильные практики сетевого мира и сообщества уверенно указывают на амбивалентность и турбулентность идентичности, гибридизацию реальной и виртуальной идентичностей. По природе происхождения сетевая идентичность производится искусственным образом, т. е. конструируется без биографии и истории. Среди её особенностей – возможность управлять впечатлениями о себе с помощью мультимедийной самопрезентации и нарративным способом. Инструментом построения сетевой идентичности выступает коммуникационный диалог, который протекает быстро и сопровождается игровыми сюжетами, а также быстрой оценкой сообщений. Не случайно её называют реляционной идентичностью по коннотациям «отношение», «зависимость», «связь». Легкость к видоизменению, как бы отсутствие стержня, свидетельствует о её неустойчивости и поведенческой легкомысленности, безответственности за последствия её бытия. В результате возникает возможность появления альтернативной идентичности (смена биографии, пола, цвета кожи и т. д.). Сравнительный анализ реальной и сетевой идентичности показыва-

ет, что всякий идентитет – результат множественных социальных идентификаций. Однако процесс конструирования альтернативной идентичности отличается тем, что в будущем её реальное поддержание практически невозможно. Трансформация самоидентичности в цифровом мире указывает на идентификационный кризис как на уровне личности в целом, так и в срезе фрагментарности идентификации, когда происходит процесс переформатирования собственного «Я».

Новая «отформатированная» идентичность различается как парадоксальная, эклектичная, фрагментарная, шизофреническая. Сетевые практики инициируют деиндивидуализацию, обретение анонимной закодированной идентичности, её брендовую модальность, унификацию, амбивалентность. Диссоциативность реальной идентичности происходит за счет стирания объективных границ реального и виртуального миров, уравнивания прошлого и будущего, гибритизации реальной и виртуальной идентичностей.

Биоэтические практики мобильности, где властвуют биотехнологии, неоднозначно воздействующие на здоровье человека, порождая множество новых рисков и влекущие новую порцию риска ответственности, выразительно доказывают основополагающую асимметрию биологической (телесной, гендерной) идентичности и самоидентичности. Выделение биологической идентичности в биоэтической практике инициировала проблему ещё более узкой идентификации – генетической. Речь идет о том, что получение генетической информации может использоваться в дискриминационных целях (персональные данные при страховании, для рабочей занятости). Данный пример доказывает амбивалентность ценности – полезности генетической идентификации для конкретного человека. Возникают риски за ошибочное толкование результатов генетического анализа.

В этом же ракурсе можно рассмотреть философский и биоэтический дискурсы о евгенике и порождаемых ею образах идентификации. Евгеника звучала как учение об усовершенствовании человеческого рода методами селекции. Понятие «расовая гигиена» заменяется понятием «качественная демография». Социальный вектор евгеники, как составляющий биоэтических практик, направлен ещё на одну социальную идентификацию – экосистемную, которая с точки зрения социального эволюционирования подавляет индивидуальную идентичность человека. Биологическая идентичность является фрагментом самоидентичности человека. В содержательном аспекте ей имманентны историческая, гендерная идентификации. Выделение биологической идентичности инициирует дальнейший процесс множественной идентификации, расщепления единой индивидуальной идентичности, порождая когнитивный диссонанс и противоречия биологического и социального, естественного и искусственного, тайного и явного, публичного и частного, приватного, конфиденциального.

В рискованных практиках мобильности происходит разрушение, распад самоидентичности, что является результатом невозможности согласования социальных идентификаций с «Я-идентичностью», и, как следствие, появление релевантной проблемы риска ответственности. О ней рассуждают ряд авторов внутри философского [1; 10; 13; 15; 16], психологического [3–5; 12; 17], социологического [6; 8; 9] дискурсов по теме идентичности. Ярким и глубоко аргументированным примером разрушения целостности и устойчивости «Я-идентичности» в современности является феномен «селфи». Он недавно появился в социальном пространстве и демонстрирует себя как рискованная практика мобильности, где риски порождаются самим человеком. В этом случае субъект (человек) использует новые технологии или для трансформации своей биосоциальной природы, или для более явного выявления своей человеческой природы. «Селфи» правомерно рассматривать, пишет Д. Узланер, как «механизм воображаемой и символической (само)идентификации, позволяющей индивиду сформировать притягательный образ самого себя, становящийся его/её визуальной идентичностью, предъявляемый вовне в поисках любви и признания» [14, с. 200]. Появляется визуальная идентичность, которая предъявляется в основном с помощью Интернета вовне в поисках любви и признания.

Из лакановского психоанализа следует раскрытие углубленной рефлексии о взгляде Другого, в котором с неизбежностью происходит потеря себя, самоидентичности. Известно, что в лакановской теории стадии зеркала «взгляд» имеет непосредственное отношение к осознанию субъектом своей целостности, сформированной идентичности и визуального образа, через который субъект узнает себя, с которым отождествляет себя. Используя предложенную Лаканом конструкцию с двойным зеркалом, он доказал, что субъект желает быть признанным Другим. Известны слова Ж. Лакана: «Желание человека — это желание Другого» [7, с. 126]. Желание субъекта — это в итоге его стремление получить то, что сделает его желанным для Другого, в глазах Другого. Операционально выделяется следующая структура опосредований субъекта: «Я-идеал» как визуальный и символический образ себя, с которым субъект себя отождествляет; «Другой» как опосредующая инстанция, которая акцентирует и санкционирует селективный образ; «Я-идеал» как перспектива Другого по одобрению того или иного образа. Сопутствующее понимание того, что сам субъект не может согласовать и увидеть образ самого себя, поскольку взгляд со стороны — это искажение или иллюзия.

Выводы философского и психоаналитического дискурсов состоят в том, что у человека в такой ситуации нет выбора, как у буриданова осла, — оставаться самим собой, самостью, быть аутентичным, автономным или быть тем, кем ты значишься у Большого Другого. «Селфи» — это потеря себя в Другом как отформатированном образе. Еще один ракурс понимания «селфи» — это та радость, которая всегда демонстрируется и

которая циклично повторяется. Она объясняется сквозь призму природы человеческого желания, погоней субъекта за объектом – причиной желания, то есть за взглядом Другого, которому необходимо понравиться. Феномен «селфи» ярко демонстрирует социально-психологическую проблему изменчивости/устойчивости идентичности. В условиях множественных идентификаций и, как правило, кажущейся потенциальности различных «Я-структур», проявляется «кризис идентичности» как отсутствие образа себя, а также личного и социального будущего.

Важно осознавать, что новые технологии, реализуемые в практиках мобильности, усиливают травмирующую природу взгляда Другого через множественные камеры и порождают разные фобии. Эффект «селфи» очевидно изменяет традиционную конфигурацию идентичностей в практиках мобильности, поскольку «селфи» утверждает разрушение, падение «Я-идентичности» за счет абсолютизации социальных идентификаций.

Феномен «селфи» подтверждает, что в практиках мобильности происходит технологическое расширение с целью осуществления тотального контроля. В «понятиях» психоанализа взгляд Другого соразмерен тотальному контролю, «паноптикуму» (М. Фуко). Современная мобильность, всякое движение сопровождаются цифровым отслеживанием и контролем, никто не остается за пределами паноптикума – таков один из сценариев сурового будущего. Программные системы, которые измеряют, отслеживают, наблюдают, контролируют, обеспечивают, кроме прочего, экстенсивное присутствие. Философская рефлексия над феноменом «селфи» также призывает к пониманию того, что человеческое сознание, презентуя точку сборки процессов социализации и индивидуализации, внутреннего и внешнего, несет ответственность за уникальность такой сборки.

Самоидентичность удостоверяется взятием на себя ответственности за добровольный выбор своего образа. Под ответственностью понимается возможность и компетенция человека и общества созидать себя через социальную активность и практику, что влечет контроль, прогноз, проект, программу управления собой. Как нам видится, ответственность манифестирует о сделанном выборе как акте свободы и о диспозиции по отношению к внешним обстоятельствам. Ответственность – это принятие для себя социально-морального кодекса чести и достоинства. Вовлечение в зону ответственности предполагает интенцию и готовность дать отчет за последствия своих практических деяний в будущем. Риск ответственности – это конструктивная, «отформатированная» позиция, укорененная в личном или социальном опыте (знать, уметь, владеть), который позволяет оставаться синергетичным, уверенным в себе в неопределенной, нелинейной ситуации. Под риском ответственности в практиках мобильности нами понимается способность оперативно найти «идентификационный» ответ, определить способы самозащиты от

конфликта «интересов» самоидентичности и множественной социальной идентификации. Данная проблема имеет две стороны: риски возникают со стороны социальных реалий (вовлеченность, манипуляции, отсутствие контроля за технологиями, социальная аномия, тотальное наблюдение) и порождаются самим человеком (отчуждение, аномия, девиации, аддикции).

В итоге можно заключить, что к практикам мобильности правомерно отнести большинство социальных практик, где в условиях тотального влияния современных технологий, происходит становление, развитие, самоопределение человека, личности в обществе на основе механизма идентификации, выбранной и принятой идентичности. Будучи вовлеченным в мобильные практики, современник подвергает себя постоянным самопреобразованиям в многочисленных глобальных и локальных социальных интеракциях. В условиях экспансии со стороны новейших технологий, перед личностью возникает задача выработать механизмы адаптации к ним, не допустить патологических векторов трансформации идентичности. Практики мобильности (миграция, сетевое сообщество, биоэтические реалии) до пределов усложняют процессы идентификации, задают новую конфигурацию идентичностей и порождают проблему рисков ответственности за выживание, состоятельность, конституирование самоидентичности.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Этика технологий безопасности и наблюдения // Человек. 2015. № 2. С. 57–65.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: ООО Издательский дом «ПОСТУМ», 2014. 240 с.
3. Войскуновский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология: журн. Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121.
4. Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопр. филос. 2015. № 3.
5. Емелин В.А. Кризис постмодернизма и потеря устойчивой идентичности // Нац. психол. журн. 2017. № 2(26). С. 5–15.
6. Кравченко С.А. Сосуществование рискофобии и рискофилии-проявление «нормальной аномии» // Социолог. исслед. 2017. № 2. С. 3–13.
7. Лакан Ж. Семинары. М.: Гнозис: Логос, 2004: в кн. 11: Четыре основные понятия психоанализа. 299 с.
8. Лисицын П.П. Границы и содержание миграционного процесса: теоретическое определение и операционализация объектов миграционных исследований // Мониторинг общественного мнения: эконом. и соц. перемены. 2017. № 1(137). С. 11–28.

9. Назарчук А.В. Мультикультурализм в сетевом обществе // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 1(107). С. 108–112.
10. Ракитов А.И. Человек в оцифрованном мире // Философские науки. 2016. № 6. С. 32–46.
11. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008. 351 с.
12. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Рефлексия множественности выбора в психологии межкультурных коммуникаций [Электронный ресурс]. // Психолог. исслед. 2015. Т. 8, № 40. URL. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1118-soldatova40.html>. Дата обращения: 12.07.2017 г.
13. Тульчинский Г.Л. Личность как автопроект и бренд: некоторые следствия // Филос. науки. 2009. № 9. С. 30–50.
14. Узланер, Д. Под взглядом Другого: селфи сквозь призму лакановского психоанализа // Логос. 2016. Т. 26, №6. С. 189–218.
15. Уханов Б.В. Идентичность в сетевых коммуникациях // Филос. науки. 2009. № 10. С. 59–71.
16. Шичанина Ю.В. Самоидентификация: интернет-форма // Филос. науки. 2009. № 10. С. 45–58.
17. Шнейдер Л.Б., Сыманюк В.В. Пользователь в информационной среде: цифровая идентичность сегодня [Электронный ресурс] // Психол. исслед. 2017. Т. 10, № 52. URL. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1406-shneider52.html> (дата обращения: 12.07.2017 г.).

RISK OF LIABILITY AND PROTECTION OF IDENTITY IN RISCOGENIC PRACTICES OF MOBILITY.

A.Yu. Harchenko

Tver State Technical University, Tver

The article shows that in the risky social practices of mobility, multiple social identities deplete and undermine the basic foundations of self-identity. Transformation of identity, initiated by a new configuration of identity and social identities in mobile practices generates new risks of responsibility for emerging forms of additivity, for the breakdown of identity.

Keywords: *social practices of mobility, configuration of identities, loss of self-identity, responsibility risk.*

Об авторе:

ХАРЧЕНКО Андрей Юрьевич – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: pif1997@mail.ru

Author information:

HARCHENKO Andrey Yuryevich – Ph.D. student of Psychology and Philosophy Dept., Tver State Technical University, Tver. E-mail: pif1997@mail.ru